

«БЕЗУМНЫЙ ВОЖДЬ СВЯЩЕННЫХ РАТЕЙ»:
«ИЕЗУИТСКОЕ» СТИХОТВОРЕНИЕ ЧЕРУБИНЫ ДЕ ГАБРИАК

Поэтесса Черубина де Габриак — вымышленное дитя поэта, критика и художника Максимилиана Александровича Волошина¹ (1877–1932 гг.) и поэтессы Елизаветы Ивановны Дмитриевой (в дальнейшем, по мужу — Васильевой, 1887–1928 гг.)².

История эфемерной жизни Черубины вполне могла бы лечь в основу слёзовыжимательного (причём высоколобого) сериала из жизни русской богемы «Серебряного века». В этой истории есть всё, что может привлечь внимание как донельзя пресыщенных пенкоснимателей, так и немудрёных читательниц дамских романчиков. Тут тебе и «культовые фигуры» (М. А. Волошин, С. К. Маковский, Н. С. Гумилёв, М. А. Кузмин, И. Ф. Анненский и другие), и головокружительная мистификация, и вполне добротные стихи, и разбитая любовь, и настоящая дуэль, и двойничество, приведшее к творческой смерти... Немаловажно также, что всё это круто замешано на ядовито-сиреневой, зыблющейся в мареве смутных подобий мистике символизма, характерной для 10-х годов XX в., о которых прекрасно сказал в своих воспоминаниях В. Ф. Ходасевич (1886–1939 гг.):

Мы жили в реальном мире — и в то же время в каком-то особом, туманном и сложном его отражении, где всё было “то, да не то”. Каждая вещь, каждый шаг, каждый жест как бы отражался условно, проектировался в иной плоскости, на близком, но неосязаемом экране. Явления становились видениями. Каждое событие, сверх своего явного смысла, ещё обретало второй, который надобно было расшифровать. Он не легко нам давался, но мы знали, что именно он и есть настоящий³.

Если до сих пор история Черубины де Габриак не привлекла внимания сценаристов и кинорежиссёров, это можно объяснить лишь одним: «Мы ленивы и нелюбопытны». Впрочем, в данном случае нас это занимает меньше всего.

«Рождение» Черубины надёжно датируется началом ноября 1909 г., хотя сама она утверждала, что родилась в 1887 г.⁴ (таков был действительный год рождения Елизаветы Дмитриевой). «Умерла» Черубина в конце того же ноября того же 1909 г. В автобиографических заметках Волошина содержится краткая запись:

1909. Петербург. <...> Лето: Лиля Дмитр<иева>. Гумилёв. Осень в СПб. “Аполлон”. Черубина де Габриак⁵.

Под «Лилей» здесь имеется в виду Елизавета Дмитриева⁶. Лаконичную «фотографию» её облика дал сам Волошин: «Некрасивое лицо и сияющие, ясные, неустанно спрашивающие глаза»⁷. Добавим к этому врождённую хромоту, из-за которой «Лиля» с детства отчаялась обрести «нормальное женское счастье»; присовокупим несомненную

¹ См. о нём: РП, сс. 475–468.

² См. о ней: РП, сс. 394–395.

³ ХОДАСЕВИЧ, сс. 313–315.

⁴ На её «записке с траурным обрезом» красовалась подпись: «Cherubina de Gabriack. Née 1887. Catholique» («Черубина де Габриак. Родилась в 1887 г. Католичка» (франц.). Цит. по: ВОЛОШИН (1988), с. 515.

⁵ ВОЛОШИН (1999), с. 195.

⁶ См. о ней: РП, сс. 394–395.

⁷ ВОЛОШИН (1999), с. 195.

поэтическую одарённость, смутно-мистические настроения и очевидные визионерские способности — и получим портрет @@.

Максимилиан Волошин, «великий любитель и мастер бесить людей»⁸.

предметом хитрой, ироничной (как сейчас принято выражаться, «постмодернистской») игры:

Мы сделали Черубину страстной католичкой, так как эта тема ещё не была использована в тогдашнем Петербурге.

Среди стихов, написанных Черубиной, есть одно, посвящённое св. Игнатию Лойоле (1491–1556 гг.):

СВ. ИГНАТИЮ

Твои глаза — святой Грааль,
В себя принявший скорби мира,
И облекла твою печаль
Марии белая порфира.

Ты, обагрявший кровью меч,
Склонил смиренно перья шлема
Перед сияньем тонких свеч
В дверях пещеры Вифлеема.

И ты — хранишь её один,
Безумный вождь священных ратей,
Заступник грёз, святой Игнатий,
Пречистой Девы паладин!

Ты для меня средь дольних дымов,
Любимый, младший брат Христа,
Цветок небесных серафимов
И Богоматери мечта⁹.

«Марии белая порфира»! Ну разве может *порфира* быть *белой*? Как ухитрился Волошин, выступавший в качестве по меньшей мере редактора этого текста, эдак опростоволоситься? И неужели Маковский был настолько ослеплён своей страстью к призрачной Черубине, мог не заметить этой несуразицы?

«И ты — хранишь её один»! «Безумный вождь священных ратей»! «Богоматери мечта»! Что за дикая чушь!

Затем решили внести в стихи побольше Испании. <...> Кроме того, необходима была преступно католическая любовь к Христу¹⁰.

⁸ ХОДАСЕВИЧ, с. 376.

⁹ Цит. по: ВОЛОШИН (1993), с. 183.

¹⁰ ВОЛОШИН (1993), с. 184.

Как ни удивительно, оказывается, что это стихотворение — чуть ли не единственный в русской поэзии пример безоговорочного преклонения перед образом св. Игнатия.

«Черубина» знакома с основными вехами биографии святого: это его военная карьера («Ты, обогрязший кровью меч»), обращение («Склонил смиренно перья шлема») и паломничество во Святую Землю («В дверях пещеры Вифлеема»). Во-вторых, она

«Безумный вождь священных ратей»

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, состоит из четырёх четверостиший (16 строк) с перекрёстной рифмовкой.

Интересно, что стихотворение «Св. Игнатию» выглядит как перевод: скорее всего, с французского.

Маленькие ученики плохих магов (а иногда и попросту шарлатанов), мы умели вызывать мелких и непослушных духов, которыми не умели управлять. В “лесу символов” мы терялись, на “качелях соответствий” нас укачивало. “Символический быт”, который мы создали, т. е. символизм, ставший для нас не только методом, но и просто (хоть это очень не просто!) образом жизни, — играл с нами неприятные шутки¹¹.

¹¹ ХОДАСЕВИЧ, с. 315.